

* * *

Туман горбатится над речкой – выше трав...
Спешу проторенной дорожкой к дому,
а нагота растрёпанных дубрав
всё тянет ветви к солнцу золотому.

Он, этот день, особенно красив:
осенней прелестью осыпана округа,
и не смолкает шум плачущих ив
над жухлой зеленью нескошенного луга.

В их робкой песне столько грустных тем,
но – жизнь сквозит в их трепетном движенье!
Букет расцветших белых хризантем
тебе несущая, родная, в день рожденья...

* * *

Вот она, дикая груша,
в яркий осенний цвет!
Тронет красою душу...
А будто б – ей дела нет:

стоит, напивавшись ветром,
в гниющих плодах, в траве –
от берега в паре метров
в естественном божестве...

Плоды б в чугунок – да в печку!
И детство напомнит вдруг
их сладостный, густо-млечный
грушёвый – нет! – русский дух.

С ЧЕГО НАЧИНАЕТСЯ...

А Родина – и озеро, и речка,
и на ладони капли родника,
с лежанкой русская натопленная печка
и нежные над лесом облака...

Старинной книги ветхая обложка,
церковная сторожка на селе,
за огородом узенькая стёжка
и поле на распаханной земле.

* * *

Обнажились вороны жилища,
понависли на голых суках...
Их жильцы пропитание ищут
на раздольных полях и лугах.

Здесь, в глубинке, им – воля-раздолье
на дорожных густых полосах!
Гулы ветра пронзительно-больно
обвивают тропинки в лесах.

Всё одно: темноватая осень,
чёрствый след – и парит вороньё.
И меня, может, кто-нибудь спросит:
«Здесь ли было жилище твоё?..»

* * *

Перекричать бы эту тишину
и, не боясь не сказанного слова,
из бездны Истину вычерпывать одну,
к поверхности водицы родниковой.

* * *

А что до вишен загнанной собаке?
В зверином мире красная – лишь кровь
и плоть...
Вот гон мышей в цветущем злаке
ей снился – в радость,
да хозяина любовь...
Терпеть под деревом пусть тесную – но будку,
носить короткую, с ошейником, но цепь –
лишь для него...
Загавкала б не в шутку
на вольную задумчивую степь!..
Зачем теперь ей сад у дяди Вани?
Пусть птицам впрок пойдут созревшие плоды –
устала, спит..
Последнее дыханье
взлетает ввысь до утренней звезды.

ДНЕВНОЙ ДОЗОР

Рассеян, с утренним туманом
над меловой горою, день
шёл по заветренным полянам
вдоль старых русских деревень...

И, только колокольным звоном
в обеденный пробившись час –
во тьме исчез за Тихим Доном,
утратив с нашим веком связь.

* * *

Зажав узлом четыре уха,
я в тряпке осень унесу –
рыжеволосая старуха
ещё не сбросила красу:
плащом помахивает рваным,
заплаты дождь к асфальту бьёт...
Но в продырявленном кармане
не удержать Вселенной ход.

И я сменю четыре уха
на одноногий инструмент,
чтоб белоснежные краяхи
сгребать – до новых перемен.

* * *

Прощальный взмах осеннего листа,
полёт по ветру в бездну... Приземленье.

Здесь от печали нет нам избавленья –
лишь скорби след, да неба пустота,
да мокрый след осеннего листа...

КОЛОДЕЦ

Предчувствуя слепое невезенье
и горькие превратности судьбы,
сильней, как цепь, натягиваю звенья
в процессе добывания воды.

В святом глотке оттягиваю время,
укореняясь прочно на земле,
зачерпывая тайны исцеленья
Вселенной, потянувшейся ко мне.

НА БЕРЕГУ

Прошлогодний камыш
скошен намертво режущим ветром,
из уложенных стрел –
горы мусора на берегу...
Что же нового здесь,
в позабытом краю неприметном,
в зеленеющих тропах
на просторном весеннем лугу?

Те же воды текут
и впадают в моря-океаны,
то же солнце вверху
греет спины проснувшихся рыб.
И в низины заходят,
облаками движимы, туманы –
мимо белых берёз
к старым ивам в затонный изгиб.
А крапива –
ещё ниже маленьких сочных травинок –
тянет вверх бахрому,
пелену нежным листьям прядёт...

Но, свидетель дорог,
шаткий мост из дубовых жердинок
растревожено скрипнет –
и в сердце печаль снизойдёт.

* * *

Пахнет печка древней Русью.
Невесомый дым с трубы
веет бабушкиной грустью
прожитой уже судьбы...

Куличи с большой горбушкой
сладко стынут на столе,
и лампадка в избушке
чуть коптит на фитиле.

Вот и яйца расписные –
Пасха, Пасха на дворе!..
Корни наши родовые –
в алой утренней заре.